

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(2)52
Б90

*Книга издана при финансовой поддержке
Фонда им. Фридриха Эберта (Германия) в Российской Федерации*

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
Б. С. Итенберг

Будницкий О. В.

Б90 Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) / О. В. Будницкий. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 383 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2029-9

В монографии впервые в отечественной историографии предпринята попытка выработать концепцию истории терроризма в российском освободительном движении. Терроризм рассматривается как специфическое явление, свойственное российскому революционному движению на протяжении полувека. В работе исследуется генезис террористических идей, рассматриваются взаимовлияние идеологии и практики терроризма, этические и психологические основы различных его направлений, идейная борьба по вопросам применения террористической тактики между различными течениями в российском революционном движении; прослеживается воздействие терроризма на российское общество и власть. Второе издание книги дополнено главой об историографии терроризма за 2000–2015 годы.

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(2)52

ISBN 978-5-8243-2029-9

© Будницкий О. В., 2016
© Политическая энциклопедия, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-му ИЗДАНИЮ

Первое издание этой книги вышло после взрывов домов в Москве (рукопись была сдана в производство за несколько месяцев до этого) и за год с небольшим до 11 сентября 2001 года, сделавшего терроризм одним из центральных пунктов мировой «повестки дня». Эти строки я пишу после убийства Бориса Немцова, взрыва аэробуса с российскими туристами над Синайским полуостровом, терактов в Париже. Терроризм продолжает быть спутником человечества, а количество бумаги, изведенной политологами, социологами, историками в попытках объяснения природы этого феномена и выработки рецептов борьбы с ним, измеряется сотнями тонн.

Эта книга – как будто первая, посвященная истории революционного терроризма в России в целом, а не отдельным его проявлениям, – была задумана и написана вне всякой связи с «запросами современности». Возможно, поэтому она пришлась ко времени и, судя по «научно-метрическим» показателям, оказалась востребованной. Пользуясь случаем, хочу привести несколько любопытных эпизодов, связанных с работой над темой, представляющих, на мой взгляд, не только личный, но и до некоторой степени историографический интерес. Интерес к истории революционного терроризма возник у меня в середине – второй половине 1970-х годов. Сейчас уж не могу припомнить, в связи с чем, – возможно, повлияло чтение журнала «Былое», почти полный комплект которого мне удалось собрать. Поиски отдельных номеров «Былого» (комплекты мне, за исключением выпусков за 1917 год, не попадались) в букинистических магазинах Москвы и Ленинграда были невероятно увлекательным занятием. Ну почему, почему букинистические магазины все еще существуют, хотя не в прежних масштабах, в Питере или, скажем, в Париже и Вашингтоне, но практически полностью исчезли в Москве?

Интерес к журналу привел к занятиям биографией его основателя и издателя Владимира Бурцева, оказавшегося ко всему еще и идеологом терроризма. Интерес к Бурцеву, по понятиям того времени, был явно нездоровым. Автор рецензии на мой вступительный реферат «В.Л. Бурцев – публицист, историк, издатель (1889–1904)» при попытке поступить в аспирантуру начертал резолюцию: «Не отраз-

ил контрреволюционной роли Бурцева в период Февральской и Октябрьской революций!» В самом деле, с моей стороны было большой наивностью (а наивности мне было не занимать) пытаться поступать в аспирантуру в 1979 году с такой темой. Ведь не кто иной, как Бурцев в июле 1917 года, после большевистского путча, опубликовал документы о том, что Ленин – германский агент (насколько они были достоверны, другой вопрос). А затем и список 12 наиболее вредных людей в России, начинавшийся именем Ленина. Именно Бурцев был первым человеком, арестованным при советской власти, причем по личному распоряжению Троцкого. Для начала на экзамене по специальности мне задали вопрос: «Как Вы дошли до жизни такой?», имея в виду злополучный реферат. Впрочем, приемная комиссия в Московском государственном педагогическом институте отнеслась ко мне весьма толерантно, если не сказать милостиво, и в итоге я набрал больше баллов, чем мои конкуренты, и не приняли меня тогда в аспирантуру по другим причинам.

После этого не слишком удачного опыта я решил не связываться с официальной наукой и занимался изучением истории терроризма для удовлетворения собственного любопытства. Я жил тогда в Ростове-на-Дону, но время от времени совершал набеги на московские архивы и библиотеки.

«Остепеняться» все-таки надо было хотя бы для того, чтобы перейти из положения вечного почасовика на постоянную ставку. В 1984 году я поступил в заочную аспирантуру Института истории СССР АН СССР, и напросился в ученики к Борису Самуиловичу Итенбергу. Я предложил тему, по которой у меня уже были кое-какие наработки: «Терроризм в системе борьбы “Народной воли”». Борис Самуилович пристально посмотрел на меня и сказал, четко артикулируя слова: «Молодой человек! Вам кан-ди-датскую диссертацию защищать надо! Вы что, с ума сошли? Какой терроризм!» Мудрый Б.С. знал, о чем говорил. Россия могла быть родиной слонов, но не терроризма. Во многом можно обвинить советскую власть, но не в том, что она недооценивала историю. Что там терроризм! Проблемы датировки «Слова о полку Игореве» или переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским вызывали пристальный интерес и соответствующие степени опасности действия контролирующих историческую науку органов. В конечном счете мы с Итенбергом сошлись на «Истории изучения “Народной воли” в конце XIX – начале XX в.» Одно из центральных мест в работе занимала полемика по поводу народовольческого террора.

Еще одна любопытная черта эпохи: в самом конце 1980-х, когда ситуация изменилась, я вел спецкурс «История терроризма в России»

(вероятно, впервые в СССР) для студентов истфака Ростовского пединститута, в котором тогда преподавал. Студенты меня спрашивали, среди прочего: «А у нас в СССР терроризм есть?»

В начале 1990-х годов я поступил в докторантуру Института российской истории РАН. Это была все та же моя научная alma mater, поменявшая название в соответствии с ходом истории. В бывшем секторе истории капитализма, именовавшемся теперь тоже как-то иначе, обсуждалась тема моей докторской диссертации, носившая такое же название, как и эта книга. Характерно, что с первого захода тему не утвердили. Претензии некоторых коллег заключались в следующем: во-первых, можно ли писать работу о методе революционной борьбы без привязки к истории конкретной группы или партии (более понятным и привычным было бы взять в качестве предмета исследования народовольческий или эсеровский терроризм), во-вторых, на таком широком хронологическом отрезке времени. Это был, в общем, здоровый академический консерватизм, и дискуссия – более чем оживленная – была весьма полезной. Горячо поддержавший меня, наряду с Е.Л. Рудницкой и, конечно, Б.С. Итенбергом, тогдашний главный редактор журнала «Отечественная история» (бывшая «История СССР» и будущая «Российская история») К.Ф. Шацлло подошел ко мне после заседания и сказал: «Быстро переделай то, о чем ты говорил, в статью, мы ее напечатаем вне очереди, и тогда дискуссии прекратятся». Корнелий Федорович (светлая ему память) употребил более энергичное выражение. Статья вышла¹, но, скорее всего, не эта публикация, а время сыграло решающую роль: тема утвердилась как-то сама собой, без повторного обсуждения, в рабочем порядке.

В 1990-е я выпустил сборники «Кровь по совести». Терроризм в России: Документы и биографии» (1994; второе, в два раза потолстевшее и существенно доработанное издание этой книги вышло под названием «История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях» в 1996 году) и «Женщины-террористки в России» (1996), опубликовал по истории терроризма полдюжины статей. Монография, которую вы сейчас держите в руках, в некотором смысле «увенчала» мои исследования по этой теме, и я дал себе зарок более историей терроризма не заниматься. В те же 90-е, в особенности после моего «открытия Америки» и года работы в архиве Гуверовского института, у меня появились совершенно другие исследовательские интересы.

¹ Будницкий О.В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203–209.

Правда, я принял участие в весьма содержательном семинаре по истории терроризма в России, организованном Каролой Дитце, Анке Хилбреннер и Бенджамин Шенком, состоявшемся в Новом Орлеане в 2007 году. А в следующем году поучаствовал в довольно крупной конференции «Терроризм и модернность в XIX веке», прошедшей в том же месте и организованной на сей раз Каролой Дитце и Клаудией Верховен. Опубликовал статью об идеологии терроризма, суммирующую то, о чем я писал в книге¹, и работу о Михаиле Гоце², одном из главных организаторов и идеологов эсеровского терроризма. Так что не могу сказать, что я вовсе не обращал внимания на публикации по истории терроризма, но систематически за литературой не следил. Тем интереснее было прочитать исследования, опубликованные за последние полтора десятилетия о революционном терроризме в России. Не уверен, что я прочел все, – точнее, уверен в обратном, но надеюсь, что наиболее важные публикации не ушли от моего внимания. Во второе издание книги в качестве приложения включена историографическая глава, содержащая обзор литературы, вышедшей за прошедшее после выхода первого издания книги время.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Г.С. Кана за библиографические справки, Г.С. Кана, М.В. Рейзина, Т.Г. Чеботареву, А.С. Чернявскую за помощь в подборе иллюстраций. Я также признателен М. Дэвиду-Фоксу, взявшему на себя труд прочесть главу «За шестнадцать лет: историография терроризма (2000–2015)» и сделать полезные замечания.

В текст внесены незначительные стилистические изменения, в некоторых случаях учтена новая литература, уточнена библиография. В основном же я согласен с самим собой 17-летней давности. Во всяком случае, в отношении истории терроризма.

*О.В. Будницкий
Москва, 5 февраля 2016*

¹ Будницкий О.В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3–19.

² Будницкий О.В. Михаил Гоц: от еврейского детства к Боевой организации // Архив еврейской истории. М., 2012. Т. 7. С. 137–152.

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм, ставший одним из бедствий человечества в последней трети XX – начале XXI века, в том числе захлестнувший и нашу страну, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, которым является история. История, как известно, имеет свойство повторяться; в случае с терроризмом она чаще повторяется как трагедия, нежели фарс. Правда, для историка существует опасность модернизировать события прошлого и привнести в свой анализ оценки, свойственные времени, в котором он живет и пишет; иными словами, существует опасность отступить от принципа историзма в угоду современной политической конъюнктуре. Сразу заметим, что при некоторой типологической схожести революционного терроризма XIX – начала XX века с терроризмом наших дней у них больше отличного, нежели общего. И актуальность изучения истории терроризма определяется прежде всего научными, а не политическими причинами.

Терроризм, оказавший столь глубокое воздействие на политическое развитие и, если угодно, психологию русского общества, десятилетиями оставался не исследованным как специфическое явление. Объяснялось это преимущественно внеучными причинами. Тема терроризма была длительное время табу для советских историков. В отечественной литературе можно было найти десятки работ, посвященных терроризму на Западе, однако вплоть до конца XX века не существовало ни одной работы, специально посвященной феномену терроризма в России.

Между тем значение терроризма в истории России трудно переоценить. Его воздействие на развитие страны отлично понимали современники. А.И. Гучков в речи по поводу убийства П.А. Столыпина, произнесенной им в Третьей Думе, говорил:

«Поколение, к которому я принадлежу, родилось под выстрелы Каракозова; в 70–80-х годах кровавая и грозная волна террора прокатилась по России, унося за собою того монарха, которого мы еще в этом году славословили как Царя-Освободителя. Какую тризну отпраздновал террор над нашей бедной родиной в дни ее несчастья и позора! Это у нас у всех в памяти. Террор тогда затормозил и тор-

мозит с тех пор поступательный ход реформы. Террор дал оружие в руки реакционерам. Террор своим кровавым туманом окутал зарю русской свободы. Террор коснулся и того, кто, как никто иной, содействовал укреплению у нас народного представительства»¹.

Разумеется, речь Гучкова отражала позицию определенной (октябристской) политической группы; с точки зрения, скажем, эсеровских лидеров, террор как раз принес «зарю русской свободы». Нас в данном случае интересует то, что вряд ли кто-либо из современников сомневался в роковой роли терроризма в жизни России; терроризм стал повседневностью для сотен тысяч жителей страны; с поразительной регулярностью он возрождался, унося каждый раз все больше человеческих жизней. Задачей историка и является выяснить причины этого феномена, имеющего незначительное число аналогов в мировой истории, а также степень и характер воздействия терроризма на развитие страны.

Прежде чем более точно сформулировать проблематику нашего исследования, следует определиться с терминологией, ибо если в чем и сходятся авторы многочисленных исследований, посвященных феномену терроризма, так это в том, что дать четкое и исчерпывающее определение терроризма чрезвычайно сложно. «Что считать, а что не считать “террором”, – пишут современные российские исследователи, – каждый решает сам, в зависимости от идеологических установок, опираясь на собственную интуицию. Единого определения сущности “террора” пока нет. Его еще предстоит ввести»². В литературе термины «террор» и «терроризм» используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном – применении насилия по отношению к отдельным личностям, общественным группам и даже классам. Историки пишут об «опричном терроре», терроре якобинском, красном и белом терроре эпохи Гражданской

¹ Цит. по: В Думе: Запросы об убийстве Столыпина // Будущее (L'Avenir). (Paris). № 3. 5 ноября 1911. С. 3. Гучков прозорливо указал и на одну из причин, хотя и не самую важную, столь длительного существования терроризма – заинтересованность в «заговорах» части охранников, извлекавших из их разоблачения немалые служебные и материальные выгоды: «Вокруг этой язвы, – говорил Гучков, – съедавшей живой организм народа, копошились черви. Они грелись и кормились около этого гнойника, и нашлись люди, которые сделали себе из нашего недуга источник здоровья, из нашей медленной смерти оправдание своей жизни» (Там же).

² *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика террора и новая административная реальность: Очерки истории формирования. М., 1997. С. 8.

войны и т. д.; современные публицисты пишут об уголовном терроре; к терроризму относят угоны самолетов и захват заложников и т. п. В то же время очевидно, что при внешней схожести применения насилия речь идет о явлениях разного порядка; для историка очевидна разница между убийством императоров Павла I и Александра II. Во втором случае мы имеем дело с террористическим актом, в первом же с чем-то сходным с тираноубийствами в Древней Греции. Однако сформулировать отличие этих двух царубийств на теоретическом уровне не так просто.

«Никого не должен сдерживать тот факт, что не существует “общей научной теории” терроризма, – пишет один из крупнейших современных исследователей терроризма У. Лакер. – Общая теория а priori невозможна, потому что у этого феномена чересчур много различных причин и проявлений»¹. Лакер справедливо отмечает, что терроризм – это очень сложный феномен, по-разному проявляющийся в различных странах в зависимости от их культурных традиций, социальной структуры и многих других факторов, которые весьма затрудняют попытки дать общее определение терроризма².

Российские исследователи В.В. Витюк и С.А. Эфиров полагают, что выработать общую дефиницию терроризма вполне возможно, если «соблюсти несколько элементарных логических условий». Во-первых, надо четко различать употребление понятия «терроризм» в прямом и переносном смысле. В данном случае Витюк и Эфиров имеют в виду жонглирование такими словосочетаниями, как «экономический террор», «информационный террор» и т. п. Во-вторых, необходимо различать терроризм от других «форм и методов вооруженного насилия, террористический характер которых сам по себе не доказан». В-третьих, «определение терроризма должно быть принципиально полным», включая признаки, объединяющие его с другими формами насильственных действий, но главное – те «специфические характеристики, которые отделяют террористическое насилие от нетеррористического». В-четвертых, «надо учитывать, что действия, составляющие специфику именно терроризма, в рамках других форм вооруженного насилия носят частный или вспомога-

¹ *The Terrorism Reader: A Historical Anthology / ed. by W. Laqueur.* Philadelphia: Temple University Press, 1983. P. 183.

² *Laqueur W.* Interpretations of Terrorism – Fact, Fiction and Political Science // *Journal of Contemporary History.* January 1977. Vol. 12. No. 1. P. 3. Лакер даже высказал мысль, что художественная литература может дать больше для понимания феномена терроризма, нежели политология (Ibid. P. 15–16).

тельный характер»¹. Добавим немножко исторической конкретики к политологическим построениям Витюка и Эфирова: выстрел П.Г. Каховского в генерала М.А. Милорадовича 14 декабря 1825 г. носил «вспомогательный» характер в рамках вооруженного восстания. Еще более характерны в данном случае планы осуществления царевбийства (А.И. Якубович) именно в момент восстания.

Приведа ряд определений терроризма: «Терроризм есть мотивированное насилие с политическими целями» (Б. Крозье, Великобритания); «Терроризм – это систематическое запугивание правительств, кругов населения и целых народов путем единичного или многократного применения насилия для достижения политических, идеологических или социально-революционных целей и устремлений» (Г. Дэникер, Швейцария); терроризм – это «угроза использования или использование насилия для достижения политической цели посредством страха, принуждения или запугивания» (Й. Александер, США²) – и сочтя их, с одной стороны, отражающими некоторые существенные черты терроризма, а с другой – чересчур широкими и формальными, что позволяет распространить их на другие формы вооруженной борьбы, Витюк и Эфиров предлагают свою дефиницию терроризма³.

«Терроризм, – пишут они, – это политическая тактика, связанная с использованием и выдвиганием на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты». Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам «отдельных высокопоставленных лиц», в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий и офисов и т. д., но объединяет их с терроризмом прежних времен то, что «главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей». Террористические акты направлены также на нагнетание атмосферы страха в обществе и, разумеется, они должны быть политически мотивированы. Для нагнетания страха террористы могут применять действия, которые не угрожают людям непосредственно – например, поджоги или

¹ Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 222–223.

² Terrorism: Theory and Practice / ed. by Y. Alexander, D. Carlton, and P. Wilkinson. Boulder, Colo.: Westview Press, 1979. P. 4. Сходную дефиницию предлагают М. Одесский и Д. Фельдман: «“Террор” – способ управления социумом посредством превентивного устрашения» (Одесский М., Фельдман Д. Поэтика террора. С. 8).

³ Витюк В.В., Эфиров С.А. Указ. соч. С. 224–225.

взрывы магазинов, штаб-квартир политических партий в нерабочее время, издание манифестов и прокламаций угрожающего характера и т. п.¹

Нетрудно заметить, что дефиниция, предлагаемая Витюком и Эфировым, также не носит универсального характера и привязана прежде всего к терроризму 1970–1980-х годов на Западе. Достаточно приложить ее к «дезорганизаторской» деятельности землевольцев 1870-х гг., рассматривавших террор прежде всего как орудие самозащиты и мести, и становится очевидным, что современная политологическая терминология «не срабатывает» применительно ко многим конкретно-историческим ситуациям.

Очевидно, что дать универсальное определение терроризма весьма затруднительно, если вообще возможно. Столь же очевидно, что его неотъемлемыми чертами являются угроза жизни и безопасности людей и политическая мотивированность применения насильственных действий. Терроризм, с одной стороны, явление общее, по крайней мере для многих стран Европы и Соединенных Штатов Америки начиная со второй половины XIX века, то обостряющееся, то исчезающее на десятилетия, с другой – возникновение и деятельность террористических организаций в разных странах были обусловлены конкретно-историческими причинами и имели весьма различные последствия.

Среди историков и политологов нет единства мнений по этому вопросу. «Как современники и свидетели террористических актов во всех уголках мира, – пишет американский историк Н. Неймарк, – мы можем оценить гипнотизирующее воздействие терроризма на Российское государство. Структура террористических нападений, реакция публики и властей и типология поведения преступников не изменились сколь-нибудь существенно»². Иного и, вероятно, более близкого к истине мнения, придерживается У. Лакер: «Сопоставлять народовольцев 1870-х... с бандой Баадера – Майнхоф было бы напрасной тратой времени, однако сравнительное изучение групп “городской герильи” в Латинской Америке или сопоставление националистических террористических групп в прошлом и настоящем, таких, как ИРА, баскская ЭТА и, возможно... хорватских усташей, представляло бы определенный интерес»³.

¹ Там же. С. 225–227.

² Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia // Terrorism and Political Violence. Summer 1990. Vol. 2. No. 2. P. 172.

³ Laqueur W. Interpretations. P. 13.

Таким образом, говоря о терроризме в России следует, по-видимому, опираться не на универсальные дефиниции, а попытаться выработать (или подобрать) то определение, которое наиболее адекватно отражает российскую (шире – европейскую и североамериканскую) ситуацию второй половины XIX – начала XX века (мы солидарны с теми историками и политологами, которые относят возникновение терроризма именно к этому времени, о чем речь пойдет ниже).

Наиболее точное определение терроризма, отвечающее реалиям интересующего нас периода, было дано американским историком Дж. Хардманом в статье «Терроризм», впервые опубликованной в четырнадцатом томе «Энциклопедии социальных наук» в 1934 году. «Терроризм, – писал Хардман, – это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы». Хардман добавлял, что «уничтожение собственности и оборудования, опустошение земель может в особых случаях рассматриваться как дополнительная форма террористической деятельности, представляя собой разновидность аграрного или экономического терроризма как дополнение к общей программе политического терроризма»¹.

Существенным и весьма важным для уяснения предмета нашего исследования является положение, сформулированное Хардманом, что «терроризм как метод всегда характеризуется не только тем фактом, что он стремится вывести из равновесия законное правительство или нацию, но также продемонстрировать массам, что законная (традиционная) власть больше не находится в безопасности и без вызова. Публичность террористического акта является кардинальным моментом в стратегии терроризма. Если террор потерпит неудачу в том, чтобы вызвать широкий отклик в кругах за пределами тех, кому он напрямую адресован, это будет означать, что он бесполезен как орудие социального конфликта. Логика террористической деятельности не может быть вполне понята без адекватной оценки показательной природы террористического акта»².

Чтобы избежать терминологической путаницы, в литературе принято разделять понятия «террор» – насилие, применяемое государ-

ством (насилие со стороны «сильного») и «терроризм» – насилие со стороны оппозиции (со стороны «слабого»). В нашем исследовании речь идет о революционном терроризме и используется, как правило, соответствующий термин. В качестве синонима понятия «терроризм» в литературе используется также словосочетание «индивидуальный террор», хотя последний термин не всегда точно отражает исторические реалии.

Относительно времени возникновения терроризма мнения историков и политологов также довольно заметно расходятся. Иные приравнивают к терроризму любое политическое убийство, и, таким образом, корни терроризма отодвигаются в античные времена (У. Лакер)¹, если не в еще более ранний период; другие считают терроризм феноменом конца XX века (Й. Александер², В. Чаликова³ и др.). Французский историк М. Ферро возводит терроризм к «специфической исламской традиции Хошашин XI–XII вв.»⁴, а Н. Неймарк относит происхождение современного терроризма к эпохе постнаполеоновской Реставрации⁵.

Представляется справедливым мнение историков, относящих возникновение явления, именуемого «терроризм», к последней трети XIX – началу XX века (Р. Фредландер⁶, З. Ивиански⁷ и др.). Проследить эволюцию понятия «террор» (используемого поначалу для определения и государственного, и оппозиционного терроризма) можно на семантическом уровне. В русских словарях и энциклопедиях дореволюционной эпохи не было толкования понятия «террор». В первом издании словаря Брокгауза и Ефрона были помещены статьи о якобинском терроре эпохи Великой французской революции и о белом терроре роялистов в 1815–1816 годах (Т. XXXIII, 1901). Симптоматично, что слово «террор» производилось от французского *la terreur*. Во втором дополнительном томе этого же словаря, вышедшем в 1907 году, появилась статья (подписанная В. В-в; по-

¹ The Terrorism Reader. P. 1–2.

² Terrorism: Interdisciplinary Perspectives / ed. by Y. Alexander, S. M. Finger. N. Y.: Jay Press, 1977. P. 3–4.

³ Чаликова В. Терроризм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 309.

⁴ Ферро М. Терроризм // Там же. С. 313.

⁵ Naimark N. Terrorism and the Fall of Imperial Russia. P. 171.

⁶ Friedlander R. The Origins of International Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives. P. 34–35.

⁷ Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology // Journal of Contemporary History. January 1977. Vol. 12. No. 1. P. 43.

¹ Цит. по: Hardman J.B.S. Terrorism: A Summing Up in the 1930's // The Terrorism Reader. P. 223.

² Ibid. P. 229.

видимому, В.В. Водовозов) «Террор в России», в которой террор был назван «системой борьбы против правительства, состоявшей в организации убийства отдельных высокопоставленных лиц, а также шпионов и в вооруженной защите против обысков и арестов»; период систематического террора автор относил к 1878–1882 годам; в статье говорилось также о возобновлении террора в начале XX века, упоминался террор партии социалистов-революционеров, а также черносотенный террор¹.

«Свидетель истории», на глазах которого прошли все стадии революционного терроризма в России, известный юрист, публицист и один из редакторов словаря Брокгауза и Ефрона К.К. Арсеньев в дни большевистского террора в Петрограде попытался проследить происхождение термина «террор». Заметив, что «в политический обиход» его ввела Великая французская революция, он писал, что «новый смысл выражение *terror* получило в семидесятых и восьмидесятых у нас в России, когда оппозиционные течения, жестоко и бессмысленно подавляемые, вызвали ряд политических убийств»².

Таким образом, возникновение революционного терроризма современники событий относили к рубежу 70–80-х годов XIX века, справедливо усмотрев в нем явление новое и не имеющее аналогов. Разумеется, политические убийства практиковались в Европе и ранее, в начале и в середине XIX столетия, и отдельными лицами (К. Занд, Ф. Орсини и др.) и организациями (карбонарии в Италии). Однако говорить о соединении идеологии, организации и действия – причем носящего систематический и «публичный» характер – мы можем лишь применительно к последней трети XIX века. В это время террор становится системой действий революционных организаций в нескольких странах, найдя свое классическое воплощение в борьбе «Народной воли» (хотя сами народовольцы не рассматривали свою организацию как исключительно или даже преимущественно террористическую).

Можно с уверенностью сказать, что превращение терроризма в систему было бы невозможно ранее по чисто техническим обстоятельствам. Возникновению терроризма нового типа способствовал технический прогресс – изобретение динамита, а также развитие средств массовой информации и способов передачи информации, в частности телеграфа. Это многократно увеличило пропагандистский эффект террористических актов.

¹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1907. Доп. том II. С. 753.

² Арсеньев К.К. Из недавнего прошлого // РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 21.

Совершенно справедливо пишет З. Ивиански, что «политический террор, применяемый в современном мире, является качественно новым феноменом, существенно отличающимся от политических убийств, практиковавшихся в древности и в начале Нового времени. Современный террорист не только использует методы, отличающиеся от тех, которые использовал политический убийца (в древности и в Новое время. – О.Б.), но он также по-другому смотрит на свою роль, общество и на значение своего акта». Столь же справедливо Ивиански относит непосредственные корни «индивидуального террора» к концу XIX столетия¹.

Современный террор, полагает Ивиански, начался с лозунга «пропаганды действием», провозглашенного впервые в декларации итальянской федерации анархистов в декабре 1876 года, а затем развитым и обоснованным французским анархистом Полем Бруссом. Конец XIX века был периодом непрерывного анархистского террора в Европе и США, террористической борьбы в России и борьбы за национальное освобождение, с использованием террора, в Ирландии, Польше, на Балканах и в Индии. Таким образом, налицо три типа терроризма, каждый из которых характеризуется его собственной идеологией и способом действия – ассоциируемый с анархизмом, с социальной революцией и с борьбой за национальное освобождение. «Однако, глядя в широкой исторической перспективе, – пишет Ивиански, – различия перекрываются фундаментальными чертами, которые являются для них общими»².

Ивиански связывает возникновение российского революционного терроризма прежде всего с борьбой за социальную революцию; однако позднее, в начале XX века, в Российской империи были представлены и другие типы терроризма – анархистский и национально-освободительный, характерный для Польши, Армении и отчасти Финляндии.

В данной работе речь идет о терроризме, направленном, в конечном счете, на осуществление социальной революции; мы полагаем, что при всем отличии идеологии, обосновывающей терроризм, и тактики, применяемой террористами – «политиками» и анархистами, их следует рассматривать в рамках общероссийского революционного движения. Другое дело – терроризм на почве национально-освободительной борьбы. Это терроризм иного типа; у него другие идеологические, политические и психологические корни; его, собственно,

¹ Iviansky Z. Individual Terror: Concept and Typology. P. 43.

² Iviansky Z. Op. cit. P. 50, 43.

трудно отнести к русскому революционному движению. Если проиллюстрировать эту мысль на «персональном» уровне, то наиболее показательными могут служить фигуры гимназических друзей и прославленных террористов Бориса Савинкова и Юзефа Пилсудского. Вряд ли последнего можно отнести к числу русских революционеров.

Возникновение терроризма в России не было чем-то уникальным в тогдашней Европе; террористические идеи развивались в работах германских (К. Гейнцен, И. Мост), итальянских, французских революционеров (преимущественно анархистов). Однако генезис террористических идей в российском освободительном движении носил достаточно самобытный характер, а размах, организация и успех террористической борьбы русских революционеров сделали их образцом для террористов во многих уголках земного шара. Так, в Индии в начале века терроризм называли «русским способом». Говоря о влиянии борьбы русских террористов на мировой революционный процесс, мы имеем в виду революционеров-«политиков»; в случае с анархистским террором, как будет показано в соответствующей главе, процесс был скорее обратным.

* * *

Настоящее исследование выросло из попытки ответить на вопрос, почему терроризм оказался в России столь живучим; почему каждое из последовательных поколений русских революционеров обращалось вновь к этому оружию, причем интенсивность и размах террористической борьбы оказывались с каждым разом все масштабнее. И это несмотря на катастрофические временами последствия террористических актов для революционного движения, как это было после покушения Каракозова или после величайшего достижения террористов, царубийства 1 марта 1881 года, повлекшего за собой разгром «Народной воли» и потери революционерами «кредита» (в прямом и переносном смысле этого слова) в обществе.

В поисках ответа на сформулированный выше вопрос автор настоящего исследования пришел к убеждению, что ответ на него следует искать не только (точнее, не столько) в социально-политических обстоятельствах, а прежде всего в идеологии и, в значительной степени, психологии определенной части русских революционеров.

Идеология терроризма и является главным предметом нашего исследования. Кроме того, рассматриваются психологические и этические стороны террористической борьбы, тесно связанные с идеологией. Ибо борьба за политическую свободу и социальную справедливость посредством политических убийств требовала определенного этического обоснования или, если угодно, морального оправдания.

Терроризм как политическое действие не может обойтись не только без опоры на идеологическую, но и на этическую систему.

В нашей работе мы стремились показать происхождение и генезис террористических идей в России от их зарождения в 1860-х годах до оформления в систему в работах идеологов терроризма конца 1870-х годов XIX – начала XX века; взаимовлияние идеологии и практики терроризма; различные версии террористических идей – от эпохи революционного народничества до работ эсеровских, анархистских, максималистских идеологов начала XX столетия; психологические и этические основы различных видов терроризма; идейную борьбу по вопросам применения террористической тактики среди различных фракций российского революционного движения; воздействие терроризма на российское общество и властные структуры, в связи с чем рассматривается вопрос об эффективности терроризма как средства революционной борьбы.

Автор не ставил своей задачей изучение фактической стороны терроризма в России; она достаточно известна, и так или иначе затрагивалась в работах по истории различных партий или групп, применявших в своей деятельности террор. Более того – без наличия значительного числа такого рода исследований взяться за настоящую работу было бы вряд ли возможно. Фактическая сторона террористической борьбы затрагивается лишь в тех случаях, когда она оказывала воздействие на идейную, теоретическую, сторону терроризма.

Парадокс историографической ситуации заключается в том, что, с одной стороны, отечественными исследователями опубликованы сотни, если не тысячи, работ, посвященных тем или иным аспектам революционного движения в России, в которых в той или иной степени затрагивается и проблема революционного терроризма; с другой стороны – история революционного терроризма как самостоятельная исследовательская проблема стала рассматриваться в отечественной историографии сравнительно недавно, в середине 1990-х годов. В 1994 и 1995 годах в Москве под эгидой общества «Мемориал» состоялись две конференции, посвященные терроризму в истории России. Материалы второй из них – «Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. История. Идеология. Социальная психология» – были изданы.

В редакционном предисловии к сборнику говорится, что «проблема политического террора относится к числу наименее изученных в отечественной историографии – нет ни одной обобщающей работы, да и фактическая сторона исследована явно недостаточно. Такое положение вещей сложилось не только из-за трудности самой проблемы, но и, в первую очередь, из-за невозможности для историков в течение

нескольких десятилетий сколько-нибудь серьезно и объективно заниматься ее изучением. Архивный материал был почти недоступен, а интерпретации диктовались предписанными сверху жесткими рамками. Причины, по которым именно тема террора находилась с начала (точнее, с середины. – *О.Б.*) 1930-х г. под особенно неусыпным контролем идеологических советских инстанций, очевидны»¹.

Материалы сборника весьма разнообразны; наряду с концептуальными статьями, в которых предпринимаются попытки оценить влияние терроризма на русское общество начала XX века (*И.М. Пушкарева, М.И. Леонов*)², в нем представлены чисто фактографические, хотя и весьма ценные, сообщения, статьи, посвященные отдельным аспектам деятельности террористических организаций, истории провокации, публицистика.

Материалы сборника отчасти отражают еще один аспект историографической ситуации – крайнюю политизированность, поспешную переоценку ценностей, осуществляемую прежде всего публицистами от истории или людьми, мало разбирающимися в предмете. Нет смысла полемизировать с авторами многочисленных статей, не просто «дегероизирующих» революционеров-террористов, но прямо объявляющих их преступными типами, несущими главную ответственность за бедствия, постигшие Россию в XX веке. Разумеется, «переоценка ценностей» необходима, но вряд ли продуктивно сводить ее к замене революционных «житий» «житиями» венценосцев, которые начинают выглядеть столь же безупречными, как ранее «пламенные революционеры».

Чтобы не возвращаться к этой теме, остановлюсь лишь на одной статье такого рода – «Индивидуальный политический террор: что это?» *Ф.М. Лурье*; она достаточно типична для «переоценочной» литературы; в то же время статья принадлежит перу человека, который, не будучи профессиональным историком, издал несколько научных и научно-популярных книг, посвященных истории и историографии революционного движения второй половины XIX – начала XX века и, по крайней мере, знает, о чем пишет.

По словам *Лурье*, «вчерашние реакционеры сегодня видятся нам полезнее левых радикалов... с позиций сегодняшнего дня... мы обя-

заны причислить индивидуальный политический террор к уголовно наказуемым деяниям... Одно из основных качеств революционера – стремление к тому, чтобы в его родном отечестве жилось как можно хуже (чем хуже – тем лучше). Тогда есть шансы на успех революции. Поэтому народовольцы с такой яростью нападали на царя-реформатора Александра II, травили его, как зверя. Общественное мнение превратило В.И. Засулич и С.М. Кравчинского в героев, у них отыскалось множество усердных последователей...»¹ И т. п. Внесудебная расправа, учиненная Засулич над петербургским градоначальником, безусловно, подходила под определенную статью уголовного уложения. Проблема начинается с того, что Засулич была оправдана судом, а избранная публика, присутствовавшая в зале суда, встретила решение присяжных овацией. Они что, тоже хотели «как хуже»? Очевидно, что подход к объяснению исторических явлений только с позиций уголовного кодекса вряд ли поможет что-либо в них понять.

С другой стороны, столь блистательный историк революционного народничества, как *Н.А. Троицкий*, встав на защиту народовольцев от их «царских, советских и посткоммунистических» критиков, полагает, что тот же Александр II к концу 1870-х годов «снискал себе уже новое титло – Вешатель» и что «за всю историю России от Петра I до Николая II не было столь кровавого самодержца, как Александр II Освободитель». Убийства императора и царских чиновников он именует не иначе как казнями, а что касается сопутствующих жертв, то историк подчеркивает стремление народовольцев их избежать, для чего они «выбирали для нападений на царя самые малолюдные места». Неясно только, почему к малолюдным местам отнесены Малая Садовая улица, Каменный мост и Екатерининский канал. Покушение на Екатерининском канале сопровождалось, как известно, жертвами среди прохожих; сам же автор приводит цифры – кроме императора и *Игнатия Гриневицкого* были ранены 20 человек, из которых двое скончались. Что же касается самого кровавого теракта, осуществленного «Народной волей», – взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года (11 убитых, 56 раненых), то *Троицкий* оправдывает своих героев тем, что «план взрыва в Зимнем дворце все же исходил не от самой “Народной воли”, а был предложен ей со стороны (лидером

¹ От редакции // Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. М., 1996. С. 3.

² *Леонов М.И.* Террор и русское общество (Начало XX в.) // Индивидуальный политический террор. С. 33–42; *Пушкарева И.М.* Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Там же. С. 43–51.

¹ *Лурье Ф.М.* Индивидуальный политический террор – что это? // Индивидуальный политический террор. С. 125, 128, 127.

“Северного союза русских рабочих” С.Н. Халтуриным)¹. Как будто народовольцы не были вольны этот план отвергнуть, и как будто партия без колебаний не взяла на себя ответственность за это покушение!

Приведенные полемические образцы свидетельствуют, пожалуй, прежде всего о том, насколько «горячей» остается тема терроризма, а также о том, насколько назрела задача беспристрастного (насколько это возможно) изучения истории революционного терроризма в России.

Несмотря на то что к теме терроризма отечественные историки стали обращаться лишь в сравнительно недавнее время, проблема неоднократно затрагивалась в работах, посвященных истории русского революционного движения. Для нашего исследования особое значение имеют работы по истории революционного народничества; в трудах «блестящей плеяды» советских историков народничества рассматривалась конкретная история революционных организаций, их идеология и практическая деятельность и т. д. Разумеется, многие работы несли на себе печать времени, а их авторы были поставлены в жесткие идеологические рамки; автор настоящего исследования, отдавая должное предшественникам, смотрит в значительной степени по-иному на проблему революционного терроризма, как и на многие другие аспекты истории революционного движения в России. Несомненно, однако, что без работ перечисленных ниже авторов настоящего исследование было бы просто невозможно.

Среди историков, на работы которых опирался автор, Б.П. Козьмин, Э.С. Виленская, Ш.М. Левин, Б.С. Итенберг, М.Г. Седов, С.С. Волк, Н.М. Пирумова, Е.Л. Рудницкая, В.А. Твардовская, Н.А. Троицкий и некоторые другие². Для подробного анализа их тру-

¹ Троицкий Н.А. «Народная воля» и ее «красный террор» // Там же. С. 17, 19, 20, 23.

² Приведу далеко не исчерпывающий список работ отечественных историков, в которых в той или иной степени затрагивалась проблема терроризма в российском революционном движении 1860–1880-х годов: Козьмин Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929; *он же*. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Виленская Э.С. Революционное подполье в России (60-е гг. XIX в.). М., 1965; *она же*. Худяков. М., 1969; Левин Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX – начало XX в. Л., 1974; Итенберг Б.С. П.Л. Лавров в русском революционном движении. М., 1988; Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1966; Волк С.С. «Народная воля». 1879–1882. М.; Л., 1966; Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970; *она же*. Петр Алексеевич Кропоткин. М., 1972; Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864–1873. М., 1984; *она же*. Русский бланкизм: Петр Ткачев.

дов потребовалось бы, по-видимому, написать самостоятельное исследование. Поэтому ссылки на положения работ предшественников, которые разделяет автор, так же как и полемика по тем или иным вопросам, вынесены в основной текст монографии.

Русский революционный терроризм начала века, сыгравший огромную роль в жизни страны, потрясший современников, впечатляюще отображенный русской литературой («Рассказ о семи повешенных» и «Губернатор» Л. Андреева, «Петербург» Андрея Белого, «Конь Бледный» и «То, чего не было» В. Ропшина-Савинкова и др.), был практически «не замечен» советской историографией, уделявшей столь много внимания изучению истории революционного движения.

В этом не было ничего удивительного. Признать крупную роль терроризма в политической жизни страны означало «преувеличить» значение «мелкобуржуазных» партий или, что было еще «хуже», указать на причастность к терроризму большевиков, официально индивидуальным террором отвергавших. Отсюда и соответствующие оценки: «Политические... итоги террора социалистов-революционеров были равны нулю»¹; «В целом эсеровский террор не оказал в 1905–1907 гг. большого влияния на ход революции»². И лишь в конце 1980 – начале 1990-х годов в отечественной литературе стали появляться более взвешенные характеристики: «В целом революционный террор не оказал в 1905–1907 гг. большого влияния на ход событий, хотя и отрицать его значение как фактора дезорганизации власти и активизации масс не следует»³.

В 1990-е годы появляется ряд монографических исследований, статей, диссертаций, посвященных истории политических партий начала века, в которых значительное внимание уделяется проблемам революционного терроризма. Среди них монография об эсерах-максималистах Д.Б. Павлова, исследования о партии эсеров М.И. Леонова, К.Н. Морозова, Р.А. Городницкого, об анархистах –

М., 1992; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1969; *она же*. Н.А. Морозов в русском освободительном движении. М., 1983; Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом. Саратов, 1983; и др.

¹ Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; ср.: *он же*. Рыцари террора. М., 1992. С. 34–35.

² Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 78.

³ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Первая российская революция 1905–1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 65.

В.В. Кривенького и др.¹ «Поэтике террора», исследованию «конструкций и терминов, используемых носителями “террористического” менталитета», преимущественно на зарубежном материале, посвящена книга М.П. Одесского и Д.М. Фельдмана. Отражение революционного терроризма в художественной литературе и, с другой стороны, влияние литературы на деятелей революционного подполья, рассматривается в исследовании М.Б. Могильнер².

Больше внимания различным аспектам истории революционного терроризма в России уделялось зарубежными историками. Укажу на монографии и статьи А. Улама, Д. Харди, О. Радки, П. Аврича, М. Хилдермейера, Э. Найт, А. Ашера и др.³ В связи с всплеском терроризма на Западе в 1970-е годы предпринимались небезуспешные попытки вычленить его исторические корни. У. Лакером в 1979 году был издан сборник материалов «Чтения по терроризму: историческая антология»⁴. «Почетное» место в нем отведено писаниям россий-

¹ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989; *Леонов М.И.* Эсеры в революции 1905–1907 гг. Самара, 1992; *Морозов К.Н.* Б.В. Савинков и Боевая организация партии эсеров (1909–1911) // Россия и реформы. М., 1993. Вып. 2. С. 94–113; *он же.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; *Городницкий Р.А.* Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста // Отечественная история. 1995. № 5. С. 168–174; *он же.* Б.В. Савинков и судебно-следственная комиссия по делу Азефа // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1995. Вып. 18. С. 198–242; *он же.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998; *Кривенький В.В.* Анархисты – «подноски снарядов»? // Полис. 1993. № 2. С. 150–156; др.

² *Одесский М., Фельдман Д.* Поэтика террора; *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.

³ *Ulam A.* In the Name of the People: Prophets and Conspirators in Prerevolutionary Russia. N. Y., 1977; *Hardy D.* Land and Freedom: The Origin of Russian Terrorism, 1876–1879. Westport, Conn., 1987; *Radkey O.H.* The Agrarian Foes of Bolshevism. N. Y., 1958; *Avrich P.* The Russian Anarchists. Princeton, 1967; *Hildermeier M.* Der Sozialrevolutionary Partei Russlands. Cologne, 1978; *Knight A.* Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party // Russian Review. Vol. 38. No. 2. April 1979. P. 139–159; *Ascher A.* The Revolution of 1905. Vol. 1–2. Stanford, 1988–1992; etc. Библиография носит, разумеется, очень выборочный характер. В библиографическом справочнике по истории терроризма в США и Европе с 1800 по 1959 г., насчитывающем 5892 названия, на долю работ о России приходится 373 позиции – Terrorism in the United States and Europe, 1800–1959: An Annotated Bibliography. Comp. M. Newton, J. Newton. N. Y. and London, 1988.

⁴ The Terrorism Reader: A Historical Anthology / ed. by Walter Laqueur. London, 1979. Из сводных работ по истории терроризма отметим также книги

ских идеологов терроризма: «Концепция систематического террора и его использования в революционной стратегии, – пишет Лакер, – впервые появилась между 1869 и 1881 годами в сочинениях русских революционеров»¹. Нетрудно заметить, что в качестве хронологических рубежей Лакером избраны появление «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева, с одной стороны, и программных документов народолюбцев, с другой. По-видимому, точка зрения Лакера недалеко от истины. В 1982 году вышел сборник статей по материалам международной конференции «Социальный протест, насилие и террор в Европе девятнадцатого и двадцатого веков», состоявшейся в 1979 году в Бад Хоумбурге (ФРГ). Статья германского историка А. фон Борк², опубликованная в сборнике, посвящена народолюбческому террору, британский историк М. Перри и германский – М. Хилдермейер³, рассмотрели различные аспекты эсеровского терроризма.

В то же время проблема революционного терроризма в России как самостоятельная исследовательская задача длительное время не ставилась и надо, по-видимому, признать справедливым замечание М. Мелансона, что никто всерьез этот феномен не изучал, хотя «каждый уверенно о нем рассуждал»⁴.

Одна из немногих попыток сформулировать общую концепцию истории терроризма в России предпринята в статье американского историка Н. Неймарка «Терроризм и падение императорской России». Неймарк выделяет три стадии терроризма в России – 1861–1866, периода «Великих реформ» и радикализации студенчества; 1877–1881, периода конфронтации между террористами-народниками и правительством и кризис 1904–1907 годов, период открытой

французского историка Р. Гоше «Террористы: от царской России до ОАС» (*Gausher R.* The Terrorists: from Tsarist Russia to the O.A.S. London, 1968) и американского историка Ф. Форда «Политическое убийство: от тираноубийства к терроризму» (*Ford F.* Political Murder: from Tyrannicide to Terrorism. Cambridge, Mass., 1985).

¹ The Terrorism Reader. P. 48.

² *Borcke A., von.* Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism: the Narodnaya Volya, 1879–83 // Social Protest, Violence and Terror in Nineteenth- and Twentieth-Century Europe / ed. by W. Mommsen and G. Hirschfeld. N. Y., 1982. P. 48–62.

³ *Perrie M.* Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist-Revolutionary Party before 1914; *Hildermeier M.* The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia, 1900–14 // Social Protest. P. 63–79 and 80–87.

⁴ *Geifman A.* Thou Shalt Kill / Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton, 1993 (суперобложка).

схватки между террористами с одной стороны и полицией и войсками с другой¹. Эти периоды, по мнению Неймарка, были во многом сходны друг с другом.

Правительственные попытки реформ признавались радикалами недостаточными и служили основанием для возобновления террористических атак. Терроризм был затем использован правительственными чиновниками в качестве повода для сопротивления реформам или их отмены. Таким образом, образовался замкнутый круг. «Не тысячи убийств в последние 50 лет существования императорской России привели к падению империи, – пишет Неймарк, – и не убийства ее наиболее способных лидеров, Александра II и Столыпина, павших жертвами террористических актов. Однако террористы заставили империю изменить курс, изменить ее законы и оставить надежды и планы ее лучших представителей. Государство позволило втянуть себя в сражение с террористами вместо того, чтобы двигаться вперед и предоставить обществу роль в управлении страной. С целью победы над терроризмом государство разрушило и совершенно оставило некоторые из своих образовательных, законодательных и военных программ. Иными словами, самодержавие разрушило свой собственный прогресс, внося тем самым вклад в революционный шторм, в котором оно нашло свой конец... Экстраординарные полицейские и юридические меры, предпринятые имперским правительством против русских террористов, символизировали крах гражданского общества и триумф терроризма»².

Правильно указывая на противоречие между властью и обществом, приведшее наиболее радикальную его часть на путь революционной борьбы, нередко принимавшей в России террористический характер, Неймарк преувеличил влияние терроризма на развитие (точнее, на отсутствие развития) русского общества. Терроризм, несомненно, был весьма важным, но все-таки не самым важным фактором, влиявшим на жизнь страны. И далеко не всегда сдерживал преобразования; бывало и наоборот. Так, реформы 1905 года были даны, по точному выражению Р. Пайпса, под дулом пистолета. Ранее «диктатура сердца» М.Т. Лорис-Меликова и конституционные поправки начались после взрыва, осуществленного народовольцами в Зимнем дворце. Парадоксальным образом попытки власти сблизиться с обществом предпринимались тогда, когда натиск радикалов усиливался. Никто не мешал властям довести до конца преобразования

в то время, когда террористический натиск ослабевал; но почему-то именно в это время они менее всего были склонны идти на уступки. Вряд ли правомерно считать 1861–1866 годы особой стадией в развитии терроризма. В начале 1860-х годов возникают и активно обсуждаются террористические идеи. Но теракт все-таки был лишь один.

Н. Неймарку принадлежит также ценная монография «Террористы и социал-демократы», в которой рассмотрена история наиболее заметных революционных организаций в царствование императора Александра III¹.

Как бы хронологическим продолжением этой книги и первой монографией, специально посвященной истории терроризма в России, стала книга А. Гейфман «Убий! Революционный терроризм в России. 1894–1917»². В книге А. Гейфман, написанной на основе широкого круга источников, в том числе материалов из архива партии социалистов-революционеров (Международный институт социальной истории, Амстердам), архива заграничной охранки и собрания Б.И. Николаевского (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет) показан, размах терроризма в Российской империи начала века. По ее расчетам, в 1901–1911 годах жертвами террористических актов стали около 17 тыс. человек.

Обоснованными выглядят мысли автора, что массовое насилие было не единственным, а может быть, и не главным фактором первой российской революции. Терроризм играл не меньшую роль. Справедливо наблюдение Гейфман и о том, что террор практиковали все революционные партии. Правда, представляется преувеличением утверждение автора, что многолетний террористический прессинг настолько морально подавил государственных служащих, что они фактически без сопротивления капитулировали в марте 1917 года.

Соглашаясь со многими выводами и наблюдениями Гейфман и отдавая должное проделанной ею кропотливой работе (несомненно, ее книга является на данный момент наиболее полным исследованием фактической истории русского терроризма начала века), не могу не высказать и ряд принципиальных возражений относительно ее концепции. Представляется, что негативное воздействие на труд Гейфман оказало то, что обычно инкриминировалось советской исторической науке, – идеологическая установка. Для нее революционе-

¹ *Naimark N.* Terrorists and Social-Democrats: The Russian Revolutionary Movement under Alexander III. Cambridge, Mass. and London, Eng., 1983.

² *Geifman A.* Thou Shalt Kill! Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton, 1993.

¹ *Naimark N.* Terrorism and the Fall of Imperial Russia. P. 171.

² *Ibid.* P. 188–189.

ры – только экстремисты, использующие любые средства в борьбе против легитимной власти. Симпатии Гейфман всецело на стороне этой власти, которую она иногда упрекает задним числом за неприятие своевременно жестких мер. Временами кажется, что автор смотрит на события из окна Департамента полиции. Хотя в конце книги и упоминается о взаимной ответственности сторон за события 1905 г. (с. 252), вся она, по сути, является обвинительным актом – не только против терроризма (с чем можно только согласиться), но и против террористов. А вот с последними дело обстояло гораздо сложнее. Считать их всех злодеями и убийцами по природе не приходится. Поэтому историк должен выступать не только с позиций прокурора, но и адвоката, т. е. попытаться, если не оправдать, то по меньшей мере понять обе стороны¹.

А. Гейфман это не удалось. Отсюда и односторонний подбор (или трактовка) источников. Возможно, впрочем, что опора прежде всего на источники полицейского происхождения сыграла с автором злую шутку. Гейфман полагает, что документы «охранки», несмотря на некоторую тенденциозность, заслуживают доверия (с. 10). Но, во-первых, сведения розыскных органов могли быть, и нередко бывали, недостоверными – «источники», освещавшие деятельность революционных организаций даже изнутри, давали картину неполную в силу недостаточной информированности, а то и сознательно, не желая «подставить» себя. Далеко не все охранники могли правильно понять мотивы поведения революционеров. Во-вторых, охранники частенько преследовали цели, далекие от «государственных». Достаточно вспомнить многолетнего руководителя заграничной агентуры Департамента полиции П.И. Рачковского.

Одна из центральных идей Гейфман – то, что в начале XX века господствовал новый тип террористов, скорее предшественников современных экстремистов, нежели преемников российских террористов XIX века. Они не слишком интересовались теорией, нередко действовали исходя из своих собственных побуждений, а не по решению какой-либо партии. Наиболее характерный пример – убийца П.А. Столыпина Д.Г. Богров. Полагаю, что Гейфман нарисовала несколько одностороннюю картину. Терроризм начала XX века имел как бы два

¹ Это достаточно старый спор. Еще такой принципиальный противник терроризма, как К.К. Арсеньев, писал, полемизируя с авторами сборника «Вехи»: «И разве оправдание террора, как оно ни несостоятельно само по себе, равносильно оправданию грабежа, воровства, животной разнузданности?» (*Арсеньев К.* Призыв к покаянию // *Вестник Европы.* 1909. № 3. С. 308).

слоя, два этажа: террор партийный, централизованный, организаторы и исполнители которого исходили из определенных идейных и этических установок, и террор массовый, низовой. Террористические идеи, попав на почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления, приобрели формы, неожиданные, вероятно, даже для их авторов, что, конечно, не снимает с них ответственности. И не снимает с исследователей задачи изучать идейные основы революционного терроризма. Гейфман уделяет теориям терроризма подчеркнуто незначительное внимание, посвящая, в частности, идейным основам эсеровского террора две странички. Она полагает, во многом справедливо, что между возвышенной риторикой теоретиков и кровавой реальностью российской революции достаточно большая дистанция. Думаю все же, что она гораздо короче, чем это представлено в книге Гейфман. Вначале все-таки было слово. К примеру, эсеры извели немало бумаги, стремясь показать, как можно соединить терроризм и массовое движение. Материал, приведенный в том числе и в книге самой Гейфман, убеждает, что извели они ее не зря.

Довольно отчетливо прослеживается связь терроризма 70–80-х годов XIX и начала XX века. Не только в идеологии, но и в практической области¹, что я и надеюсь доказать в данном исследовании.

* * *

При подготовке монографии использовался широкий круг разнообразных источников – программные документы политических партий и организаций, периодическая печать, прежде всего заграничные издания различных радикальных партий и групп, листовки, публицистика, мемуары, личная переписка. Наряду с опубликованными источниками были привлечены материалы, отложившиеся в различных архивохранилищах России и США. Среди них материалы из фондов В.Л. Бурцева, П.А. Кропоткина, А.Л. Теплова, А.В. Тырковой (Государственный архив Российской Федерации), П.Л. Вакселя и Н.А. Рубакина (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), ЦК партии социалистов-революционеров (Российский государственный архив социально-политической истории). Наибольший интерес для целей настоящего исследования представили материалы из архива Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфордский университет, Калифорния, США). В колоссальном собрании знаменитого архивиста и историка

¹ Более подробный разбор книги А. Гейфман см. в моей рецензии, опубликованной в журнале «Отечественная история» (1995. № 5. С. 185–189).

Б.И. Николаевского (811 коробок документов!) находятся документы партии социалистов-революционеров, социал-демократов (меньшевиков), материалы по истории анархизма в России, личные бумаги В.М. Чернова, М.А. Натансона, А.Н. Потресова, П.А. Кропоткина и других видных деятелей русского революционного движения. Большой интерес представляют также подготовительные материалы Николаевского к его известной книге «История одного предателя: Террористы и политическая полиция» (Берлин: Петрополис, 1932). При подготовке книги он вел переписку со многими участниками «азефовской» истории. Особенно любопытна его переписка с В.М. Черновым, в которой эсеровский лидер сообщил Николаевскому немало сведений о закулисной истории эсеровского терроризма. Копии некоторых наиболее значительных документов приводятся в приложении к основному тексту монографии.

При подготовке данной книги использовались также личные собрания известного революционера-народника, впоследствии эсера, Ф.В. Волховского, в частности его переписка с Б.В. Савинковым, а также эсера, близкого одно время к деятелям Боевой организации, М.М. Шнеерова и бывшего секретаря Учредительного собрания, в эмиграции одного из редакторов парижских «Современных записок» М.В. Вишняка, находящиеся в Гуверовском архиве. В фонде Шнеерова находится рукопись его неопубликованных воспоминаний, а также переписка с В.М. Зензиновым, в которой затрагиваются некоторые темные стороны «азефовской» истории.

В числе использованных документов – материалы, хранящиеся среди бумаг историка и коллекционера С.Г. Сватикова. Часть из них находится в собрании Николаевского, часть – в личном собрании Сватикова в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

* * *

Работая над настоящим исследованием, автор, как, вероятно, большинство историков, стремился найти ответы на конкретные вопросы, больше думая о наиболее адекватной интерпретации источников, нежели об общих методологических принципах. В то же время автор, во многом неожиданно для себя, обнаружил, что следует принципам теории социального действия Макса Вебера, исходящей из субъективной осмысленности поведения индивида.

Разъясняя смысл «понимающей» социологии (а социология, по Веберу, как и история, изучает поведение индивида или группы индивидов), Вебер писал: «В поведении... людей (“внешнем” и “внутреннем”) обнаруживаются, как и в любом процессе, связи и регуляр-

ность. Только человеческому поведению присущи, во всяком случае полностью, такие связи и регулярность, которые могут быть *понятно* истолкованы... Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотносено с *поведением других* людей, во-вторых, *определено* также этим его осмысленным соотношением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно *объяснено*»¹.

Полемизируя некогда с Эд. Майером по проблемам теории и методологии истории, Вебер соглашался с ним в одном: «Методология всегда является лишь осознанием *средств, оправдавших* себя на практике»². Автор настоящего исследования надеется, что средства, использованные им при подготовке работы, позволили, хотя бы отчасти, объяснить смысл «поведения» русских революционеров-террористов и содержания тех идей, которыми это «поведение» определялось.

¹ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 495, 497.

² Вебер М. Критические исследования в области логики наук о культуре // Там же. С. 418.